

18+

Юлия Зубарева

Солнце
над
облаками

Юлия Зубарева

Солнце над облаками

«Издательские решения»

Зубарева Ю.

Солнце над облаками / Ю. Зубарева — «Издательские решения»,

Иногда везет даже самым обычным людям. Так одинокой учительнице английского из маленького городка подфартило с выигрышным билетом в лотерею, в самом начале отпуска. Станет ли она сама счастливой находкой на море для случайных знакомых? Нырять вместе с Маринкой в веселый мир морских прогулок, где скука и однообразие — не более чем отголоски прошлого. Солнце, море и романтические приключения на яхте с двумя друзьями и немного юмора ждут. Поехали с нами в самый замечательный отпуск!

© Зубарева Ю.

© Издательские решения

Содержание

1. Первый день отпуска. Суббота	6
2. Второй день отпуска. Воскресенье	8
3. Третий день отпуска. Понедельник	12
4. Прибытие	15
5. Знакомство	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Солнце над облаками

Юлия Зубарева

© Юлия Зубарева, 2026

ISBN 978-5-0070-9140-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Первый день отпуска. Суббота

Привет, мой дорогой дневник. Прости за то, что я давно не брала тебя в руки. Я и себя, если честно, никак не могу взять в руки.

Марина открыла специально купленный по случаю блокнот, взяла ручку и написала на первой странице: «Первый день отпуска, 15 июля».

Отпуск начинался не так радостно, как хотелось. На карту поступили отпускные, но на них можно было лишь прожить месяц или уехать на дачу. Слушать бесконечные нотации от матери, ходить по садовому товариществу среди тех же пенсионеров — разве это отдых? Хотелось чего-то несбыточного. Хоть бери рюкзак — и автостопом по Золотому кольцу.

Быть учительницей английского языка в маленьком городке на краю Калужской области — это вам не кот начхал. Марина и подумать не могла, что, вернувшись после института и неудачного замужества, станет местной звездой сплетен и косых взглядов. Вся её жизнь оказалась под прицелом коллег, завуча, соседей и родителей учеников. За пять лет работы в школе в неё вдалбливали неписанные законы маленького общества. Учителю нельзя громко слушать музыку дома и на улице, вызываясь одеваться, делать татуировки, курить или покупать спиртное, ругаться матом и носить чулки — «что про вас дети могут подумать?».

Мать, растившая Маринку без отца и настоявшая на возвращении в родной город, блюла честь семьи строже любого надзирателя. «Что люди скажут?» — ответ на любую попытку бунта: яркую блузку, юбку с разрезом, босоножки на каблуке или красную помаду в сумочке.

Белёсые волосы, серые глаза, бледные ресницы. Кофты и юбки, реже — джинсы на выходных. В этом городе нельзя заводить любовников, да и не из кого их заводить. В единственном баре на центральной улице молодой разведённой учительнице делать нечего — вдруг встретишь родителей своих подопечных, а потом замучают нравоучениями.

Бежать, опять покорять столицу, бросив больную мать, Марине не позволяла совесть. Да и привыкла она к своим ученикам, что скрывать. Единственная радость — смотреть в незашоренные глаза, когда она входила в класс, а вся эта россыпь вытянувшихся за лето цыплят хором повторяла: «Гуд монинг, Марина Борисовна!»

Второклашки тяжело включались в иностранный язык, но помогали мультики на планшете и кубики, которые она сама клеила, а потом всем классом раскрашивали. Ребята постарше включались в обучение, несмотря на сложный возраст, охотнее.

Марина ходила по тонкой грани между методическими указаниями и человеческим отношением к детям. «Не нравится учебник? Давайте играть в диалоги. Сели в круг и кидаем друг другу фразы. Кто больше всего слов знает, тому сегодня будем дифирамбы петь хором». Дети не видели бледную моль и зашуганную училку. С ними можно было говорить прямо, смотреть в глаза, шутить.

— Инфантильное поведение недопустимо. Вы должны быть строже. Что за панибратство с учениками? — возмущалась завуч.

Марина Борисовна только кивала и продолжала партизанить среди своей благодарной публики. Но долго это продолжаться не могло.

«Рано или поздно они меня сломают или выдавят из школы. Придётся перебиваться репетиторством или уезжать», — думала она.

Марина покрутила в руках дневник и твёрдо решила, что каждый день будет записывать что-то хорошее. Хоть что-то с ней должно случаться хорошее, верно? На дворе была суббота, лето перевалило за середину, обещая ещё полтора месяца до начала нового учебного года.

«Купила сегодня лотерейный билет на сдачу в сетевом магазине. Пусть мне повезёт!»

Черешня по 250 рублей за килограмм. Надо будет прикупить пару кило — варенья на зиму наварить. Не забыть ещё отдать босоножки в ремонт: набойки совсем стёрлись.

Когда возвращалась, нашла томик Тура Хейердала на скамейке около дома. Обложки нет, но книжка от этого хуже не стала. Буду считать это хорошим знаком. Вот там была жизнь настоящая — морское путешествие на тростниковом плоту с друзьями.

К чёрту варенье! Не хочу ничего делать — буду валяться на диване, читать и есть черешню».

2. Второй день отпуска. Воскресенье

Маринка проснулась рано, как привыкла в учебное время. Спать не хотелось. Сегодня надо было ехать к матери в деревню — долго откладывать не получится. Старый дедов дом годился только для летнего проживания: печка дымила, вода и туалет были на улице. Маман уезжала в мае и возвращалась только в октябре. Все выходные и отпуска Маринка должна была выполнять свой дочерний долг — обирать бесчисленные кусты смородины и окучивать картошку. Летом несъеденный урожай корнеплодов прошлого года выкидывали, чтобы освободить место под свежие плоды огородных трудов. Круговорот картофеля в природе... Солёные огурцы она, кстати, терпеть не могла. Впрочем, это ничего не меняло.

Включила телевизор, лениво перебирая каналы. Голубой экран показывал очередные новости, пихал в уши рекламу — от прокладок до сосисок. Оставила бормоталку на минимальном звуке и отправилась на кухню ставить чайник. Купленный на днях билетик лежал в сумке. Дернуло её у этого киоска остановиться — удачу испытать.

— А сегодня мы разыгрываем миллион! Спешите проверить свои лотерейные билеты — может, вы стали нашим победителем! Следующее число в нашем лото — 77, топорики!

«Доброе утро, дорогой дневник! Сегодня случилось настоящее чудо! Похоже, мой лотерейный билет оказался выигрышным! Первый раз в жизни купила — и такая новость. Осталось только дожидаться, когда результаты выложат на сайте, но даже 100 рублей получить будет очень приятно. Как удачно начинается отпуск!»

Она не верила своим глазам. На сайте в списке победителей лотереи номер её билета был не на последнем месте. Сто тысяч рублей за один счастливый билетик — это для неё настоящий джекпот. Перепроверила несколько раз, открывая и закрывая сайт. Села читать условия участия. Немножко расстроилась, когда выяснилось, что такую крупную сумму можно будет получить лишь через месяц — в офисе организатора.

«Дорогой дневник. Пишу, чтоб не забыть, что нужно купить на 100 000 рублей: новые сапоги на танкетке и зимнюю куртку — себе и маме; ноутбук? планшет? и тогда провести интернет домой; чего-нибудь для себя».

Маринка металась по квартире: то перекладывала счастливый билет в паспорт, то в очередной раз проверяла его номер на сайте. Хотела позвонить матери, обрадовать, но решила подождать, пока выигрыш будет в кармане. В четырёх стенах было абсолютно невозможно находиться. Собралась до соседнего торгового центра — там был ларёк с лотерейными билетами. Может, они знают больше?

На улице, несмотря на середину лета, было прохладно. Серые тучи затягивали горизонт, обещаая обложные дожди на неделю. Похоже, пора было доставать куртку и резиновые сапоги. Вот вам и лето...

На первом этаже, почти при входе, она столкнулась с одной из родительниц — мамой ученика из 3 «Б». Парнишке, похоже, при рождении вместо батарейки, крутящей шило в попе, вставили атомный реактор. Удержать его внимание больше 15 минут было нереально. Марина Борисовна только одна и справлялась с этим сорвиголовкой: отправляла его то пройтись по классу для раздачи фломастеров, то позволяла писать, когда ребёнок стоял и приплясывал за партой. Мальчишка был сообразительный, схватывал на лету, а самое главное — не боялся пользоваться полученными знаниями. После второго класса сам пытался разговаривать на незнакомом языке, когда был на курорте с родителями. Путал слова, придумывал новые, но не замыкался и не отступал. Если у Марины и был любимчик в классе, то вот он — Матвей Иванович: непослушный вихор на голове, улыбка от уха до уха и футболка с Человеком-пауком.

— Марина Борисовна! Гуд мнинг!

— Good day, mister Matvey, — серьёзно произнесла учительница. — And missis Olga. — Улыбнувшись, закончила приветствие Марина, переведя взгляд на Ольгу, маму Матвея, и машинально поправив торчащий, как всегда, вихор непослушных волос на макушке мистера Матвея.

— Ой, а я думаю, кому мы опять орём на весь зал. Здравствуйте! Вот решили выбраться перед отпуском: Матвейка опять из всего вырос, да и я хотела Саше подарок присмотреть, но тут ничего интересного. Надо будет в Москву ехать. Голову уже сломала, чем его порадовать на день рождения. А вы какими судьбами? Тоже решили гардеробчик обновить?

Ольга была матерью гиперактивного Матвейки и по совместительству женой единственного олигарха в городе. Несмотря на огромные по местным меркам деньги, которые зарабатывал владелец мясокомбината — депутат и негласный хозяин города, сама она так и не изжила в себе лёгкий нрав и простоту общения. Красивая, в меру болтливая, то прикидывалась дурочкой, то выглядела королевой в курятнике. Марине нравилась эта женщина. Она бы с удовольствием подружилась с Ольгой, но, как говорится, не нашего полёта птица.

— Да вот зашла по случаю. В отпуск отправили — ремонт в школе.

— А мы тоже в отпуск летим, да, мам?! Марина Борисовна, а вы куда полетите?

— Никуда, — грустно, но честно ответила она мелкому. Детям врать нельзя.

— С деньгами не очень? Может, помощь нужна?

Из-за спокойного участия в глазах шапочно знакомой женщины Марина даже не подумала обидеться за бестактный вопрос. Только кивнула, пытаясь подавить печальный вздох.

— Давайте по кофейку? Тут чудесная кафешка. Ещё и сухой бассейн есть, и детская зона с аниматорами. Матвей, будь джентльменом: бери свою любимую учительницу, и пошли её кофием напоим.

— С мороженым? Надо обязательно мороженое ей заказать! Это же самое лучшее средство от плохого настроения, да, мам?

— Да. С мороженым, конечно.

Не слушая робких возражений и уверений, что день вовсе не так и плох, Матвей с Ольгой потащили дорогую Марину Борисовну в кафе. Уже сидя за столиком, обе дамы с умилением смотрели, как Матвей ныряет в бассейн с шариками, одновременно пытаясь залезть на верёвочную лестницу и доставая аниматора.

— Он обязательно перерастёт этот возраст. Матвей — очень большой молодец. Я им горжусь.

— Знаете, вы единственная в школе, кто его молодцом называет. Сашу моего все боятся, поэтому в глаза никто не говорит, но я-то вижу. Он, может, из-за вас только в школу и ходит. Упрямец. Сказал, что лучше всех будет английский знать, потому что его Малина Борисовна — самая классная училка.

— Училка, — улыбнулась дразнилке Марина.

— Давайте вы у нас репетитором поработаете? Может быть, не только английский получится подтянуть? Мы на месяц на Мальдивы, а потом как раз можно будет перед школой позаниматься. Не отказывайтесь сразу, подумайте. Я же всё понимаю, сама без отца росла. Это сейчас я многое могу себе позволить, а когда-то тоже была простой девчонкой с окраин.

И Маринка не смогла удержать языка за зубами. У неё здесь совсем не было подруг — только мама и коллеги, а тут живой человек. В себе всё не удержишь. Не бежать же по улице, размахивая выигрышным билетом. Выложила всё: и про отпуск, и про лотерею, и про то, что выигрыш только через месяц можно будет получить.

Ольга только глаза раскрыла от удивления.

— Такое бывает? Вы не шутите? Покажите, хоть одним глазком посмотреть.

Учительница вытаскила паспорт и аккуратно показала билет. Номер забили в поиск на сайте лотереи. Действительно, сто тысяч.

— Продайте мне его! Я прямо сейчас по номиналу переведу на карту. Это же идеально! Лучше не придумаешь.

— Ольга, вы о чём?

— У Сашеньки моего в этом году круглая дата, я голову сломала, что подарить. Всё вроде есть. Он только отмахивается. Говорит, Матвейка — лучший подарок. Но у него была одна мечта — выиграть что-нибудь просто так. Понимаете, не заработать, а взять и выиграть. Он, знаете ли, фаталист, но катастрофически неудачлив. Мы даже в Монте-Карло ездили — в рулетку спустил страшно подумать какую сумму, хоть бы цент вернул. А тут счастливый билет. Это же настоящая находка. Марин, соглашайтесь! Мне нужен билет, а вам деньги. Вот, смотрите. Я прямо сейчас вам на карту этот выигрыш отправлю, только отдайте мне этот билетик.

Ольгины глаза горели лихорадочным огнём, а сама победительница разрывалась между желанием решить финансовый вопрос и вбитой в подкорку осторожностью.

— А вдруг это всё ошибка? Может, он не выигрышный. Как я вам деньги верну, если что?

— Вот сейчас пойдём в киоск и узнаем. Я вам верю, но чтобы было спокойней обеим.

Забрали Матвея от вздохнувших аниматоров и пошли на второй этаж, где грустила дама в кудряшках на обесцвеченных волосах. На плечах была шаль, несмотря на июль, а в глазах — все печали проигравшихся в моментальные лотереи неудачников.

— Посмотрите, пожалуйста, выиграл ли этот билетик?

Ольга взяла переговоры в свои руки. Протянула руку Марины с зажатым билетом к подслеповато щурившейся жрице удачи.

— Сейчас посмотрим по базе. Диктуйте номер.

Потом долго смотрела в экран. Попросила ещё раз проверить номер. Посмотрела сама на билете и выпалила:

— Таких денег мы не выдаём. Вам в офис надо в Москву. Выдача — через месяц после розыгрыша.

Вскинутые брови продавщицы фортуны сказали всё сами за себя. Сухо поблагодарив, девушки отошли от прилавка.

— Решайтесь, Марин, у вас весь отпуск впереди. Отдохнёте от всего этого болота. Езжайте на море.

— А давайте! — махнула рукой Марина. Раз уж пошла белая полоса, глупо от неё отворачиваться. Вытащила из паспорта бумажку и положила в протянутую ладонь Ольги.

— Только это секрет, Матвейка. Папе — ни слова. Мы ему потом подарим, ладно?

— Договорились, мам. Я ж не маленький, я всё понимаю.

Тренькнул телефон, оповещая о круглой сумме, упавшей на счёт.

Марина только ущипнула себя тихонько через джинсовую ткань, чтобы удостовериться: это не сон. Что она и вправду выиграла, уже успела получить деньги — и отпуск вовсе не так безнадёжен, каким казался.

— А теперь можно посмотреть и билеты. У меня в «Аэрофлоте» миль накопилось — можем даже на бизнес-классе вас отправить. Хотите?

— Куда отправить?

— В отпуск, конечно! Шенген есть?

— Нет, мне и не надо было.

— Значит, выбор небольшой. Если есть на свете рай — это Краснодарский край. Завтра в Сочи из Москвы есть билеты, один даже на вылет в 10 утра. Правда, не «Аэрофлот» совсем, зато вылет из Внуково — добираться удобнее. Подойдёт? Если без багажа, даже дешевле выйдет. Бронирую?

— Я верну. Я сразу же верну деньги за билеты. Я согласна, да.

Ольга, не сходя с места, лихо вбила все паспортные данные, указала «без багажа» и отправила училке файл с билетом.

— Вот, получилось даже не очень дорого. Останется на купальник, пансионат и билет обратно. Марина, вы молодая, привлекательная женщина — не упускайте свой шанс. Отдохните как следует. Я вам позвоню потом по поводу Матвейчика, да? Как вернёмся?

— Да-да, конечно.

Ошарашенная, она стояла и смотрела, как удаляется волшебная женщина, что приносит удачу мужу и каждому, на кого она обратит свой взор. Натуральная фея.

Вернулась зачем-то в кафешку, попросила простого чая. Вернула Ольге сумму за купленный билет. Список покупок, созданный вчера, с сохранёнными ссылками и мучительными подсчётами — на что ещё хватит свалившейся с неба суммы — был забыт.

— Я утром улетаю на море, — тихо, но вслух сама себе сказала Маринка.

От звука собственного голоса вздрогнула, обернулась, убедилась, что никто не слышал, и вышла, чуть не забыв оплатить свой чай.

До ночи в квартире учительницы английского языка творился полный беспредел. Все вещи из шкафа были перебраны дважды — и оба раза отвергнуты. Глухие блузки, длинные юбки или растянутые до безобразного состояния домашние футболки и штаны никак не подходили для первого свидания с морем.

Это была настоящая мечта детства — неосуществимая ни по финансовым, ни по другим причинам. Сколько себя помнила, её мама рвалась на двух работах, помогала деду и тащила дочку. Тут не до моря — на столе было бы чего поесть. Сначала Маришка мечтала, что появится пропавший папа и отвезёт её, а потом уже и не заикалась. Город маленький — донесли добрые люди, что папу ждать не стоит. Не было его никогда.

«Лучше бы дедов дом отремонтировала. Собралась курица на моря. Перья не потеряй!» — маминым голосом в голове пронеслась холодная мысль.

«Куда я намылилась? Я ни разу даже на самолёте не летала. Может, меня всю дорогу тошнить будет?»

Паника накатывала волнами, но отказаться от этого шанса — может быть, единственного в её жизни — Маринка не смогла бы. Позвонила маме. Путаясь в показаниях, наврала, что её, как самого молодого специалиста, отправляют на повышение квалификации в Москву. Приехать не сможет, будет звонить. Очень плотный график — даже вырваться не получится.

Задвинув укоры грызущей совести в самый дальний уголок бестолковой головы, пообещала себе, что купит какой-нибудь подарок матери и потом обязательно всё расскажет. Ну, может быть.

3. Третий день отпуска. Понедельник

Поезд на Москву отправлялся в два часа ночи с платформы Сухиничи-Главные. Марина быстро покидала в сумку блокнот, ободранную книжку, телефон, паспорт, кошелёк, таблетки от головы, поноса и тошноты — и, не раздумывая больше ни секунды, вызвала такси до вокзала.

В 6:20, измученная переживаниями и бессонной ночью, Марина ступила на перрон Киевского вокзала. Билеты на самолёт успокаивали: до вылета оставалось почти четыре часа.

На улице было оживлённо, несмотря на раннее утро. Пассажиры первых электричек спешили в офисы, ныряя в подземные чертоги метро. Автобусные остановки толпились нервными людьми. И — одна, как тополь на Плющихе, — Марина Борисовна никуда не торопилась.

Она стояла, пялилась на рассветное небо, вдыхала загазованный воздух столицы и понемалу: всё взаправду. Мечты сбываются даже у таких серых и пыльных училок, как она.

Заглянула в ТЦ — прикупить что-нибудь из одежды, но даже в неспящей Москве в шесть утра магазины ещё не работали.

— Ну и пожалуйста, — обиделась отпускница и, помахивая тощей сумкой, отправилась покупать билет на аэроэкспресс.

Хорошо хоть кофе на вокзале можно попить — там круглосуточно народ толпится.

Дорогой дневник! Я как будто сплю, и просыпаться нет никакого желания. Пять лет не была в Москве. Как институт закончила, вещи от Вадика забрала, так и не ездила ни разу.

На площади всё перестроили — так хорошо стало. Немного тошнит, и болит голова, но это от недосыпа, наверное.

Поеду на двухэтажном экспрессе. Он похож на тот самый лондонский автобус — такой же красный и с двумя этажами. Хватит ли смелости подняться наверх?

Я столько всего боюсь, что страхи, похоже, сами себя аннигилируют. Страшно ехать — и страшно не ехать. Страшно подумать, что скажут люди, — и страшно представить, как буду сожалеть всю оставшуюся жизнь, если отступлю.

Страшно летать — вообще в аэропорту ни разу в жизни не была. Очень страшно попасть в неприятности. Никто даже не знает, где я нахожусь, ну, может, кроме Ольги. Скажет ли она матери, если я не появлюсь в сентябре?

Страшно, что ограбят по дороге, и очень страшно остаться с неработающей карточкой, но без реальных денег. Кажется, меня уже тошнит заранее — ещё до того, как в самолёт села.

Купила себе воды и леденцов. Пусть это будет не последняя моя запись.

Аэропорт походил на огромный растревоженный муравейник. Марина вцепилась в сумку, судорожно прикидывая: можно ли где-нибудь распечатать билет или хватит того, что он сохранился на телефоне?

Отстояв очередь на регистрацию, показала паспорт и штрихкод с телефона.

— Уфф... Всё сработало.

Чувствовала себя немножко мошенницей. А если бы она данные подделала — прошло бы? Вера в бумажки за пять лет преподавания настолько прочно укоренилась в голове, что любой электронный аналог казался ненастоящим — как минимум.

В чистой зоне сонные пассажиры ждали свои рейсы у входов. Маринкин рейс ещё даже на табло не высвечивался.

Она присела на скамейку и задремала, чутко вскидываясь на любое объявление. Накатывало какое-то сонное безразличие. Такая встряска в её скучной жизни была, наверное, впервые. Вот и не справлялся организм.

Есть не хотелось. Цены на кофе в аэропорту были заоблачными, воду пришлось выложить на досмотре. В мыслях — разброд и шатание.

Стоило ли всё бросать и рваться на море? Ну была мечта — пусть бы и оставалась просто мечтой.

Через полтора часа ожидания объявили посадку. Хорошо, что далеко идти не пришлось: выход оказался прямо напротив Маринкиного «насеста».

Весёлые попутчики щеголяли солнечными очками на волосах и шортами, а девушки — ещё и открытыми декольте, сарафанами и майками на бретельках. Бледная, как сметана, Маринка в ветровке и джинсах выделялась, как привидение среди праздника жизни.

Вся толпа стала подтягиваться ко входу. Где-то плакал ребёнок. Молодёжь пиналась, хохоча и перепрыгивая через поставленные сумки. Шумно, суетно. Кто-то пытался пролезть вперёд, оттолкнув странную девушку с остановившимся взглядом, бледную до синевы.

Уже в самолёте к путешественнице подошла стюардесса, аккуратно поинтересовалась:

— Хорошо ли вы себя чувствуете? Может, дать воды?

Мариша только сглотнула вязкую слюну, молча кивнула и вцепилась в бумажный стаканчик, как утопающий — в спасательный круг.

А за спиной звучал нехитрый разговор:

— Мама, ну мама! Скажи, я правда увижу море? Оно большое? Синее-пресинее? А рыбов там много?

— Правда, капелька моя, конечно, увидишь. Надо немного подождать. Вот сейчас самолёт взлетит, полетает над облаками, а потом приземлится — и мы уже будем совсем в другом городе. Сядем с тобой в такси и поедem на берег самого синего моря. Давай я тебе мультики включу сейчас — и время быстрее пойдёт.

Этот разговор успокоил и саму Марину. Если ребёнок не боится, чего же взрослой тёте истерики закатывать?

«Сейчас взлетим, полетаем немножко — и приземлимся уже у моря. Оно ждёт меня, оно всех всегда ждёт», — мысленно уговаривала себя горе-путешественница.

«Марина» означает «морская», — говорила мама, заплетая непослушные косички в таком далёком детстве. Может, она тоже мечтала о море, путешествиях, но застряла в быту, в борьбе за выживание одинокой матери в маленьком городе.

Не будем об этом. Сейчас осталось только накрутить себя, позвонить и признаться. Тогда точно скандала не избежать.

Маринка не всегда была послушной девочкой. В педагогический документы подавала больше для подстраховки. Её мечтой был иняз: языки давались легко, как будто в голове включалась какая-то дополнительная извилина.

Зря она тогда выбрала МГИМО — пробыться по баллам девочке из провинции оказалось невозможно. Пришлось идти на «училку», но любовь к языкам никуда не делась: английский, испанский и самым краешком — немецкий.

Ведь мечтала о совсем другой жизни — яркой, интересной. А потом случилась с ней большая любовь.

Вадик — гад сладкоречивый — обещал горы свернуть, добиваясь отличницы и недоτροги. Верила его словам, томным глазам, весёлому смеху. Всем остальным было понятно, что такого жеребчика кольцом не удержать, а Маринка до самого конца играла в большую и чистую любовь.

Тянула по учёбе, курсовые писала, оба диплома на её плечи легли. Лёгкий на ласку и обещания, Вадик только целовал нежно в висок своего воробушка, описывал очередной сценарий их счастливого будущего — и упархивал по делам.

Он бы и без Маринкиной помощи обошёлся, наверное. Но так действительно было проще: Маринка и прикроет, и о пересдаче договорится, обед приготовит, диплом напишет. Бегала хвостиком, от доброхотов отмахивалась.

Только когда у очередной возлюбленной птички её муженька живот начал опасно округляться, Марина прозрела. Одним днём. Сама пошла в ЗАГС заявление писать. Вадим умолял не оставлять его, простить случайное влечение. Пятый курс. Диплом сдавать, а она ни спать, ни есть не может. Взяла академ, уехала к маме.

Весь любовный треугольник учился в одном потоке. Родители новой пассии оказались людьми состоятельными, и юный паразит легко переметнулся к новой жертве матримониальных планов. Потом, уже когда страсти улеглись и их наконец развели официально, Марина сдала диплом и госы — и вернулась в родной город. В Москве её никто не ждал.

— Где глаза твои были, дура! — вот и вся поддержка, что от матери получила, когда, поджав хвост, приползла зализывать сердечные раны.

За воспоминаниями не заметила, как взлетели. Даже тошнота прошла — только горечь от давнего предательства оставалась на языке.

Сама, всё сама. Сама придумала идеального мужчину — сама и разочаровалась.

Путешественница подняла глаза на иллюминатор. Самолёт выбирался из туманной хмари московского неба, поднимая пассажиров силой своих крыльев над облаками.

А там — солнце горело белым пламенем в ослепительно-голубом небе, внизу простирались долины из розовой сахарной ваты без конца и края. Можно было бесконечно смотреть на этот небесный пейзаж. Сквозь лакуны в дымке просвечивала земля — такая далёкая со своими проблемами, дразгами и непониманием людей друг друга.

Вытащила свой дневник. Размашисто на новой странице написала:

Запомни! Даже в самый пасмурный день над облаками светит солнце! Я проверяла — это правда!

Закрыла ежедневник и замороженно уставилась в окошко на все три часа полета. В сердце разливалась уверенность, что все будет хорошо. Как будто самолет не через тучи вознесся в небеса, а по-настоящему разорвал толстую перекрученную серую нить Маринкиной судьбы на «до» и «после».

— Смотри, — говорило прозрачное голубое небо за стеклом. — Нет больше препятствий! Лети! Вся непогода осталась внизу. Все твои страхи обернулись пушистыми белыми облачками. Гляди в оба, какая красота! Как можно было ее бояться?

Солнце сияло газовой сваркой, выжигая на сетчатке простые истины: «Все в твоих руках. Вселенная играет на твоей стороне, дерзай!».

Сама только диву давалась, как, оказывается, просто ничего не бояться. Раз — и повернулась монетка Маринкиной судьбы светлой своей половинкой к солнцу. Пусть это все ненадолго, но она, правда, постарается не испортить своим нытьем и плохим настроением волшебный шанс стать счастливой.

«Может, это эффект первого раза, а потом уже привыкают? Или ты такая чувствительная натура, что словила просветление ума, просто поднявшись на десять тысяч метров над суетой?»

Марина прислушалась к себе.

«Что мне хочется в эту секунду?»

Ухмыльнулась, встала и пошла по проходу в самый хвост самолета. Да, она всегда стеснялась быть неудобной попутчицей и беспокоить людей, и незнакомых туалетов она тоже побаивалась, а, возможно, если потерпеть, то и дождалась бы приземления. Но как проверить себя, если даже попудрить носик стесняешься сходить? Делай, а косые взгляды оставь на потом.

Из самолета выходила уже совсем другая женщина. Плечи расправлены, на губах блуждает мечтательная улыбка. Мариша не знала, где точно будет ночевать. Найдёт ли отель в самый разгар сезона, у нее даже купальника с собой нет, но это все такие мелочи по сравнению с тем, что она готова к приключениям. Солнце светит. Весь день впереди. Что-нибудь придумаем.

4. Прибытие

Вместе с толпой Марина пошла к выходу, надеясь увидеть стоянку такси. Не успела сделать первый шаг по ступенькам вниз, как за спиной послышалось чертыхание и звук разбитого стекла. Маринка только обернулась, как на неё налетела бабка — видно, запнулась на выходе. Неподъёмная сумка летела параллельным курсом, распространяя запах солёных огурцов и коньяка. За баулом тянулся «инверсионный след» из содержимого.

— Куда прёшь? Совсем страх потеряли! — наорала «сгорбленная баллистическая ракета „Земля-воздух-земля“» куда-то в район расстёгнутой пуговицы на блузке Марины, когда та своим отнюдь не тщедушным телом остановила её смертельный полёт.

— Извините, но вы сами в меня врезались.

— Понатыкают пороги где ни попадя! — отцепившись от Маринки и успокаиваясь, ворчала бабка, хлопывая себя. — Сумка-то моя где? Поди сперли уже, сучье племя! Ни на секунду оставить нельзя. Припасов на месяц да подарок племяннику-олуху везла — не довезла!

— Мне кажется, там что-то разбилось, — аккуратно делая полшага назад, сказала Марина. Стать мишенью ещё для одной вспышки гнева за испорченное содержимое она была не готова. — Я пойду, наверное, вы здесь как-нибудь сами разберётесь.

— Куда собралась? А помочь старушке? Как же я теперь, ударенная, сумку-то дотащу? Никто не остановится — хоть помирать тут ложись! Все торопятся, на море им, тьфу! Туристы...

Маринка вздохнула про себя, но тяжеленную сумку с битым содержимым подняла за ручки. Отказывать в помощи она не умела. Сильной и независимой женщине стоило бы поучиться говорить «нет», но, похоже, не сегодня. Бабка перехватила невольную помощницу с другой стороны и повисла на локте ещё одним грузом.

— Пойдём, пойдём. Нечего с этими жуликами связываться. Мало того что сдерут незнамо сколько, так ещё завезут девку в притон какой. Мы потихоньку — на автобусе. Тебе в город, поди, надо? По работе, гляжу, приехала: ни чемодана, ни сумки. Бледная какая, жуть. Поди, в этом году и не отдыхала, болезная? Ну хоть тут развеешься. У нас тут воздух такой, что даже таких, как ты, нецелованных, на блуд тянет. Экология!

— Да как вы... Я вообще не такая!

— Такая, не такая... Ты не тушуйся, главное. На каждую куру свой петух найдётся, а может, и два, — бабка перехватила локоть слабо вырывающейся девушки и продолжила: — Значит, слушай сюда. Будут предлагать — сразу не соглашайся. Цену себе набивай, но и счастье своё не прощляй. Уж больно ты малахольная. Вот и наш автобус. Давай-ка, девонька, подмогни ещё разочек — подсади бабулю. Тебе на стопятом? Вон следующий подходит. Прямо до конечной езжай — там, глядишь, разберёшься.

Маринка осталась на остановке. Не бабка, а террористка какая-то. Наговорила не пойми чего — не то оскорбила, не то напорочила. А я — клуша. Надо было бросить эту грубиянку посреди дороги, пусть бы сама свою сумку перла. Посмотрела в интернет — не обманула старая карга: действительно тот самый автобус. Подошёл следующий — до центральной площади. Народ повалил внутрь, и растерянная Марина вместе со всеми. Хорошо ещё, что сиденье у окна было свободным. Измятую блузку и джинсы, испачканные в рассоле, надо было срочно менять — в таком виде в такси точно не посадят. Ехали час. Под равномерное движение Марина успела задремать, привалившись к окну.

В центре было многолюдно. Ей надо было ещё пройти по улице Горького вверх. Мини-гостиница, где чудом удалось забронировать одноместный номер, оказалась обычным домом с гаражом за высоким железным забором. Тот самый уютный номер располагался над этим гаражом. Наверх вела старая железная лестница. Удобства и кухня — в доме напротив, но сама

путешественница была вполне довольна и таким набором услуг. Отдав баснословный по меркам учительской зарплаты аванс за неделю, Маринка приняла душ и поспешила на долгожданное свидание с морем. В первой же попавшейся палатке были куплены купальник и полотенце, еще глаза зацепились за майку с надписью «счастье» и пляжную сумку с шортиками. Вот и весь гардероб. Вприпрыжку, как школьница, сбежавшая с уроков, путешественница спускалась по улочке к поблескивающему в проёмах между домами и деревьями морю. Навстречу шли загорелые люди с матрасами и детьми — возвращались с пляжа. Играла музыка в кафешках, тут же на тротуарах стояли столики с обедающими. Обогнув продавца воздушных шаров, Маринка купила себе мороженое в стаканчике.

Этот город так разительно отличался от родных Сухиничей, что и сама Маринка чувствовала себя совсем другим человеком — более лёгкой, наполненной, как будто пузырьками шампанского, предвкушением чудесного. «Наслаждайся жизнью прямо сейчас», — мысль таяла сладким мороженым во рту.

На пляже было многолюдно — найти свободный пятачок, чтобы бросить полотенце, удалось не сразу. Дети носились по линии прибоя, выкапывали в гальке ямки, хохотали, когда пенный край облизывал попы и пятки. Попросив присмотреть за сумкой абсолютно коричневую женщину на шезлонге рядом, Маринка осторожно начала заходить в неведомую доселе стихию. Море казалось холодным перегревшейся на солнце путешественнице. Громко шуршало прибрежной волной, обнимало колени. Кто-то с визгом плюхнулся рядом, окатив целым каскадом искрящихся брызг. Задержав дыхание, она наконец скользнула в солёную, как слёзы, воду и поплыла, удивляясь собственной лёгкости. Морская вода мягко качала новоприбывшую на своих ладонях, плескала волной в лицо, остужая горящие щёки. Вперёд, только вперёд — в даль от шума людского, туда, где только ты, море и бескрайнее небо над головой. Доплыв до буйка, перевела дыхание и окинула пляж взглядом — и в одну секунду потерялась, не понимая, куда плыть обратно. Запомнить какой-нибудь ориентир даже не подумала, так спешила окунуться. «Что делать, что же делать? Там кошелёк, и одежда, и полотенце. Босоножки ещё. Как обратно идти босиком и без денег?» Беспомощно барахтаясь в накатывающей панической атаке, Маринка начала впадать в тихую истерику. Идти и кричать по пляжу, искать загорелую даму в белом купальнике бесполезно — это как пытаться найти иголку в стоге сена. Может, подождать до вечера, пока все остальные уйдут, и оставшееся на гальке как раз и будет её сумкой? Ага, нашла тут гардероб в филармонии. Быстро приберут ничейное — и поминай как звали. Подлая волна подкралась сзади и накрыла с головой паникёршу. Схватившись за буёк, пловчиха отплёвывалась от солёной, горькой оплеухи — и в голове, как ни удивительно, просветлело. Она вспомнила: сначала шла мимо дурно пахнущего туалета, потом мимо раздевалок — и направо-направо, туда, где начиналась зона шезлонгов. «Вот за ними и ищи свои драгоценные вещички», — шлепнуло ещё раз солёной ладонью море по макушке. «И чего я тут с ума схожу? Денег в кошельке кот наплакал. Телефон с паспортом в гараже оставила. Босоножки давно выкинуть пора. Только сумку с полотенцем жалко будет. Ну, легко пришло — легко ушло. Тоже мне трагедия. Ну-ка, ягода-Малина, соберись. Поплыли обратно». Быстрыми взмахами она припустила к берегу — всё-таки беспокоясь о вещах, но уже без паники, выглядывая ориентиры, куда шла, как спускалась к морю. За время её отсутствия среди «лёжки котиков» на пляже всё как-то изменилось — морская дева не узнавала пейзаж. Те шезлонги или не те? Вот здесь была пирамидка из камушков — или это уже другая? Лишь доскакав по горячей гальке босыми ногами до тени от зонтиков, смогла оглянуться спокойно. Последний ряд лежаков опустел. Темно-коричневая дама в белом купальнике всё так же лежала звездой на лежаке — теперь, правда, лицом вниз. Рядом с ней сиротливо притулились поношенные босоножки и сумка с полотенцем.

— Спасибо вам большое. Вы меня очень выручили. Хорошего вам отдыха.

— Ммм? — дама даже головы не подняла.

«Похоже, она даже не поняла, что за моими вещами приглядывала», — подумала Маринка, разглядев наушники-капельки у загорающей охранницы.

Переодеваться пришлось в кабинке, отстояв немалую очередь. Virtuозностью местных дам, что накидывали полотенце и жестом фокусника доставали из-под него мокрые скрученные тряпочки купальников, Маринка не владела. Идти в мокром, когда есть шорты и майка, казалось верхом неприличия. Сверху натянешь — сразу пятна пойдут прямо в интимных местах.

Голову прилично напекало. Тощий Маринкин хвостик змеился по спине, не желая сохнуть, чем бесил и раздражал неимоверно. Отдельные волоски прилипли к вискам и лезли на лоб, взбивай их, не взбивай.

«Мне нужна парикмахерская и пообедать», — пришла внезапная мысль. — Какой смысл растить это безобразие на голове, когда все равно ничего приличного отрастить не получится. Пусть лучше коротко, зато сохнуть быстрее будут».

В курортном городе как на восточном базаре: все, что пожелает дорогой отдыхающий, главное — деньги плати. Толстая, флегматичная, усатая женщина промыла слипшиеся от соли волосы, что последние полчаса поисков свободной цирюльни торчали дыбом надо лбом, сливаясь в экстазе с резинкой на затылке.

— Вы бы, девушка, кремом пользоваться начали, пока не поздно. Сгорите как пить дать. Вон уже плечи все красные. Завтра будете плакать.

— Да-да, спасибо. Я первый раз, даже не подумала купить. Покороче, пожалуйста, сделайте.

— Сейчас сама посмотрю. Совсем нельзя коротко, голова лысая будет. Мы вам каре сделаем, мама дорогая не узнает.

«Мама меня точно не узнает», — промолчав, подумала Маринка, глядя на преобразование своей шевелюры.

Тетка оказалась мастером от бога. Ловкие ее пальцы скользили по прядям, коих оказалось достаточно много после того, как крысиный хвост был безжалостно отстрижен. Легкие Маринкины волосы немного вились, добавляя ей изрядно мороки в попытках прилизать непослушные прядки. Оказалось, что ничего прилизывать было и не надо. Достаточно пальцами взбить легкое облако, и в зеркале отражается уже совсем другой человек.

— Брови красить будешь? Куда с такими на улицу ходить? Совсем цвета нет, непорядок!

— Буду. И брови, и чего еще посоветуете. Спасибо вам.

— То-то же. Такой тонкий волос, а она еще хвост отращивала. Сделаем сейчас и бровки, и глазки. Будешь конфетка. Це-це.

После того как вышла из салона красоты, голова казалась легкой, как шарик, наполненный гелием. Моргни невольно ресницами — и оторвется Маринкина головушка, полетит в бездонное небо. Ресницы и брови были умело покрашены, там же добрая фея с усиками всучила крем от загара, еще и от ожогов посоветовала, где купить.

Свои отражения в витринах отпускница не узнавала совсем. Кто эта прекрасная незнакомка? По улице, улыбаясь всем прохожим, она шла легкой походкой голливудской звезды, не глядя под ноги. За что и поплатилась. Тротуар кончился быстрее, чем рассчитывала приморская дива, и, взмахнув, как чайка крыльями, Маринка приземлилась на асфальт. Больно, обидно, но отрезвляюще.

— Очки носи, если не видишь, куда прешь. Дура!

Утренняя бабка или ее сестра-близнец тащилась по проезжей части. В руке у нее была палка для скандинавской ходьбы — скорее для устрашения автомобилистов, чем для помощи немощной старухе. Хорошо еще, что Маринку не узнала. Прошаркала мимо, не торопясь подниматься на заполненный людьми тротуар.

— Уфф.

Какой, оказывается, это маленький город. Похоже, пора прекращать нос задирать, надо и по сторонам смотреть. Нет никакого желания еще раз с ней столкнуться. Ну ее, пусть других пугает, а мы потихоньку, по тротуару совсем в другую сторону. Первый пункт задуманного был выполнен, осталось только найти, где вкусно поесть и можно возвращаться в свои пятизвездочные апартаменты — отдыхать.

5. Знакомство

Бессонная ночь, дорога и перелет давали о себе знать. Ноги были ватными после купания, похоже, еще и голову напекло. Стоило бы вернуться в снятые апартаменты и подремать, но терять первый день на море было до слез жалко.

Перекусила в кафе на набережной. Ужаснулась ценам и решила, что лучше на общей кухне будет готовить себе сама. Так она за неделю весь свой выигрыш потратит, и прощайте, мечты.

Желудок требовал продолжения банкета. Бульон и скудный салатик Маринкины стати совсем не удовлетворили. Вдруг захотелось жирного, сочащегося маслом горячего чебурека. В промасленной бумаге, с хрустящим тонким тестом и вкусным мясом внутри. Так захотелось, что слюна невольно стала затапливать половодъем вкусовые рецепторы. Оставалось только сглатывать, крутясь вокруг своей оси. Запах чебуреків путеводной нитью вел Маринку от дорогого и невкусного кафе дальше по набережной.

Через какое-то время она уперлась в спину такого же сомнамбулического прохожего в конце очереди. Маленькая палатка на колесах привлекала туристов, как ловушка для мух. Внутри колдовал красный от жара лысый дядька в фартуке на голое тело. Он жонглировал огненными чебуреками, как настоящий джинн из раскаленной пустыни. Выкладывал на бумажные тарелочки половинку обжигающего солнца для жаждущего и бровями указывал не задерживать очередь. Поток привлеченных шкворчанием и запахами, жадно жующих, не отходя от палатки, людей не ослабевал. Маринку подтолкнули к металлическому прилавку.

— С мясом? — гаркнул с высоты этот кудесник огня и масла.

Маринка только кивнула, пришлось опять сглатывать слюну, пока заготовка шкворчала, покрываясь пузырями из теста, на огромной сковороде.

Протянув купюру взамен пищи Богов, выхватила тарелку, мгновенно пропитавшуюся маслом.

Есть тут же, как делали многие, не позволяло воспитание. Хотелось наслаждаться каждым кусочком, чтобы никто не заглядывал в рот. Отойдя на полсотни шагов, устроилась на каменном пирсе, разглядывая яхты, что были причалены к выступающим в море деревянным настилам на сваях.

Заканчивался чебурек быстрее, чем хотелось, оставалось только наслаждаться красивым видом, мерным плюханьем ленивых волн о борта, чайками, что с хищным интересом следили за трапезой. Последний кусочек, краешек запеченного теста, все-таки подкинула в воздух, в жертву чаячьему богу. Белая молния сорвалась с мачты, подхватила приношение и улетела прочь, оставив разочарованных товарок впустую хлопать клювами.

Маринка прикрыла глаза, отдаваясь ласковому солнцу, откинулась на отставленные руки и, кажется, задремала на несколько минут. Сытая, накупавшаяся, полная новых впечатлений под завязку.

— Тут Марина! Понимаешь, тут она!

Как разрядом тока подкинуло с теплого камня. Ее искали и нашли? Кто? Никто не знает, что она тут! Очередные родители учеников? Завуч?

— *Tenemos que recoger a mi mujer, detrás del puerto de la Marina mercante, zona turística se trata**, — экспрессивно ответил другой мужской голос.

**Мы должны забрать мою жену, за портом торгового флота, это туристический район (исп)*

Она осторожно обернулась. Двое мужчин ругались на испанском с одной стороны и смеси ужасного английского с русским с другой. Понимания не было.

— Туристу, дорогой мой, пойдём на яхту. Марина, понимаешь, там стоит? Тайм оф клок — время теряем!

— Tenemos que recoger a mi mujer. To no iré sin ella*.

**Нам нужно забрать мою жену. Я не поеду без нее. (исп)*

— Чего там у тебя синело, ничего не понимаю. Интернет не ловит, хоть бы переводчик включил. Гоу ту яхта! Компранде амиго?

Испанец сначала пытался тыкать в телефоне переводчик, но, видно, связь здесь совсем не брала. Тогда сложил руки в замок перед собой, насупился и отвернулся от прыгающего перед ним со своим «компранде» оппонентом.

— Mudo como una tumba*.

** Буду нем, как рыба*

— Сам ты мудо! — махнул рукой заведенный собеседник.

В отличие от невысокого лысоватого, с небольшим круглым животиком, испанца, русский морячок был крепок, высок и в плечах весьма себе... Выгоревшая его шевелюра стояла дыбом, постоянно поправляемая пятерней. Маринка даже залюбовалась.

— Вы его неправильно поняли. Ему жену надо из отеля забрать. Отель за портом торговым, puerto de la Marina mercante — это он и есть. И не оскорблял он вас, он просто сказал, что больше слова не скажет, будет нем как рыба.

— Ты его понимаешь, что ли??? Скажи, яхта ждет. Тут стоянка платная. Он и так на полчаса опоздал.

Сильная и независимая женщина опять была отодвинута сердобольной Маринкой куда подальше. Послушно перевела сеньору про яхту и опоздание. Выслушала в ответ, как они забыли с женой перевести время, телефон не ловит, а таксист увез его не туда.

— Ему нужно забрать жену, и они готовы будут отправляться. Вызовите такси, так будет быстрее.

Посчитав себя сделавшей достаточно добрых дел во благо русско-испанской дружбы, Маринка поднялась и собралась идти обратно в свои пятизвёздочные апартаменты над гаражом.

— Стойте. Меня Димой зовут. Девушка, дорогая, ну куда же вы уходите? Я этого матadora не шпрехаю ни разу. Там ещё тетка будет, а это вообще швах. Меня Кирюха прибьет. Может, вы согласитесь на бесплатное путешествие на яхте? На пару часов всего? Мы вас вернем сюда же. До дома проводим, денег на такси дадим! — повышал ставки боящийся остаться один на один с обидчивым иностранцем красавчик, видя, как Марина качает головой и делает шаг в сторону от чересчур эмоционального товарища, машущего руками перед ее лицом.

Подъехало такси. Алехандро помахал рукой, сказал Маринке, что сейчас вернется с женой, и можно будет ехать.

— Хотите, я на колени встану! Нам переводчик как воздух нужен! А тут вы! Андрюха ногу сломал, прямо в Пулково. Гад! Не мог осторожнее быть! Весь сезон насмарку. Куда мы вдвоем. Одних неустоек вагон будет.

— Я вообще только сегодня приехала. Устала. Как-то не хочется с незнакомыми людьми на яхту. Увезете ещё.

— Увезем обязательно! И вернём ровно через три часа. Кирюха закат на море ловит для света. Он себе таблицы расчертил уже на неделю вперёд. Алехандро вы уже знаете, меня Дмитрием зовут. С Кирюхой хоть сейчас познакомлю. Хотите паспорт покажу? Ну как вас уговорить?

Он похлопал по карманам шорт, вытащил сигарету из найденной пачки. Сунул было в рот на автомате, потом посмотрел на выражение лица некурящий Марины и бросил на пирс.

— Пойдемте. Пока эти опоздуны туда-сюда кататься будут, нормально познакомимся. Нам, правда, переводчик нужен позарез. Ну не маньяки мы, мамой клянусь! Паспорт в каюте лежит, если надо.

Потащил за руку, вцепившись в тонкую Маринкину кисть, как клещ. Только и успевала, что босоножки не потерять. Яхта была прекрасна. Небольшая, парусная, с элегантными обводами, она и у пирса выделялась изяществом среди своих судоходных товарок. Небесного-голубого цвета, с яркой красной полосой по корме. Палуба блестела свежим лаком по дереву. Просто игрушка, загляденье. Отказаться от прогулки на такой волшебной лодочке — это надо быть даже не железной леди, а чугунной на всю голову.

— Мы в эту малышку и не влезем все. Стоя будем плавать.

— Не плавать, а ходить! Прекрасно все поместимся. Там внизу ещё кают-компания, каюты для гостей и камбуз с гальюном. Прошу на борт. Кирюха, встречай гостей!

Из двери, видно, ведущей в кают-компанию, показалась еще одна светлая лохматая голова. Кирилл был такой же высокий, но жилистый, худощавей крепкого Дмитрия.

— Бонжурно диас, синьора! Ком эс тас? Как там дальше? Проходите, короче.

— Видите, Марина, мы без вас пропадем совсем. У него только английский, и то технический. Как начнет про свои объективы и бумагу с реактивами трещать, хоть уши затыкай, а позвать заказать по телефону он не может, стесняется. Акцент у него, понимаешь ли, не разберут смертные гласа бога фотографии при заказе пиццы, блин. Так на сухпайке и сидели, когда Андрюха с документами застрял в Москве в прошлый раз. А без документов на берег сходить нельзя было. Зашибись по Средиземному сходили, вспомнить — вздрогнуть.

— Она чего, русская, что ли? А чего тогда Дрон писал, что испанец будет с вундервафлей.

— Танцуй давай, я нам переводчика нашел с испанского! Ты бы слышал, как она эти «кеске се порке» щелкает, натуральная спаниш-вумен! Алехандро, заказчик наш, за своей аморе миа на такси погнал, а я Марине яхту хотел показать.

— Дим, если это опять твои подкаты тупые, то задрал уже. Девушка, вы его не слушайте, у него жена свежая и двое детей от прошлого брака. У нас все серьезно тут, все рейсы уже забронированы заранее, мест халявных нет.

— Да я особо и не напрашивалась. Он сам меня сюда притащил, — обиделась Маринка.

— Слышь, ты, дятел питерский, ещё раз для рождённых в танке говорю: переводчика нам нашел, зовут Марина, знает испанский как родной. Еле уговорил, чтоб яхту зашла посмотреть. Быстро турманом вылетел из своих комплексов, даме ручку поцеловал и извинился. Сам будешь эсперанто свое учить, небожитель хренов.

— Не надо меня целовать.

— Не буду я никого целовать, — одновременно заявили свежепознакомленные товарищи.

— Извините. Я дурак, я вас за очередную Димкину зайку принял.

— Я никому не зайка. Извините. Я пойду.

— Куда? Стой! Да постой ты, пожалуйста, не обижайся на него. До этого барана доходит смысл человеческих слов, но медленно. У него эмпирии и высокое искусство в голове, об элементарной вежливости пусть простые смертные пекутся, это мировой славе мешает.

Дима аккуратно придержал спутницу за локоть, чтоб не сбежала, и повернулся к приятелю на яхте, сделав страшное лицо.

— Или ты сейчас сходи бросишь и дашь даме руку, и будешь вежлив, как с любимой бабушкой, или я тебе морду твою фотогеничную набью. Шутки кончились.

— Да отпустите вы меня! Точно маньяк какой-то. Не хочу я вашу яхту смотреть, и не надо мне вашей вежливости. Психи какие-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.